

Научная статья

УДУ 304

doi: 10.17223/1998863X/77/16

ЛОЯЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ЭЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Николай Сергеевич Розов¹, Сергей Иванович Филиппов²

¹ *Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия, nrozov@gmail.com*

² *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
filippow07@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются концептуализация понятия лояльности (подчиненных – начальству), построение общей теоретической гипотезы об основных причинных факторах лояльности, а также анализируются институциональные контексты и условия, определяющие (не)лояльность местных элит по отношению к центральной власти.

Ключевые слова: лояльность, социальный статус, символический престиж, социальные заботы, государственная служба, патрон-клиентские сети, эгалитарные сообщества

Для цитирования: Розов Н.С., Филиппов С.И. Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 193–203. doi: 10.17223/1998863X/77/16

Original article

ELITES' LOYALTY TO THE CENTRAL GOVERNMENT: GENERAL PATTERNS AND PECULIARITIES OF THE INSTITUTIONAL CONTEXT

Nikolai S. Rozov¹, Sergei I. Filippov²

¹ *Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, nrozov@gmail.com*

² *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, filippow07@yandex.ru*

Abstract. The article presents the conceptualization of loyalty (subordinates to superiors), the construction of the general theoretical hypothesis about the main causal factors of loyalty, as well as the analysis of the institutional contexts of the (dis)loyalty of local elites to the central government. Loyalty is understood as a variable characteristic of the political attitudes of actors (individuals and groups), combining recognition of the legitimacy of power, readiness to follow the adopted policy, obedience to orders, and reporting of reliable information about the state of affairs. Based on the general ideas of neo-Weberian political sociology, a hypothesis has been proposed about the basic factors that strengthen loyalty. The more an actor perceives a certain authority as providing his basic needs such as security, social status, income and influence (authority, political participation), the higher the actor's

loyalty to this authority will be. The main types of institutions that allow elites to satisfy their basic needs are civil service, patron-client networks, and egalitarian communities. A relatively high level of loyalty to the central government is typical of the representatives of elites, whose basic needs are satisfied by taking prestigious positions in the public service. It is due to the symbolic and universal nature of status in bureaucratic structures of the military and civil service. The formal and broadly recognized status also allows avoiding the necessity of its constant confirmation by means of aggressive and violent actions. On the contrary, for a successful career within the military-bureaucratic structures of state service, qualities such as discipline, accuracy, diligence, and control over emotions are in demand. The status of the members of patron-client networks and egalitarian communities is informal and recognized only by their entourage (if the entourage is willing to do this). Therefore, participants of informal communities have to confirm their status, including aggressive and violent actions. In such a way, the qualities as a heightened sense of self-worth, emphasized aggressiveness (as a means of demonstrating and protecting status), and love of freedom are constituted, which are little compatible with the bureaucratic virtues of obedience and reverence for superiors. In addition, disdain for official values, symbols, norms and rules of interaction cultivated in communities guarantees that their participants will remain loyal to their patron and/or comrades and will not succumb to the temptation to exchange all this for a more predictable and stable career in public service.

Keywords: loyalty, social status, symbolic prestige, social concerns, public service, patron-client networks, egalitarian communities

For citation: Rozov, N.S. & Filippov, S.I. (2024) Elites' loyalty to the central government: general patterns and peculiarities of the institutional context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 193–203. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/16

Концепт политической лояльности

Лояльность является одной из самых обсуждаемых и эмоционально заряженных тем. Она вызывает самые противоречивые мнения и оценки в общественном и научном дискурсе. С одной стороны, «лоялизм» подвергается критике как конформистская установка, предполагающая равнодушие и слепое следование воли начальства, противоречащая, таким образом, гражданской позиции [1. Р. 58]. С другой стороны, подчеркивается, что лояльность предполагает вовлеченность граждан в общественную жизнь, коррекцию личных интересов ради соответствия общим [2].

В целом, в отечественной и зарубежной традиции лояльность, в особенности со стороны элит (влиятельных групп с разнообразными ресурсами), рассматривается как существенный компонент политической культуры и гражданской ответственности, как один из значимых факторов общественной стабильности [3. С. 20; 4. С. 267–269; 5]. Различные аспекты лояльности российских элит по отношению к центральной власти исследуются в работах О.В. Гаман-Голутвиной, Г.М. Дерлугьяна, А.И. Миллера, С.А. Нефедова, Л.Ф. Писарьковой, В.А. Тишкова, С.В. Чешко, М. Гарселона, А. Каппелера, Т. Мартина, Д. Пономарева, Г. Симона, Г. Сунни и др. [6–18]. Тем не менее проблема условий, определяющих лояльность или нелояльность индивидов и групп по отношению к государственным и властным институтам, а также к этническим, конфессиональным и другим сообществам, остается нерешенной.

Здесь и далее под лояльностью будем понимать только лояльность в политике как сфере борьбы за власть и использования власти. Понятие «лояльность» строится как переменная, включающая в себя различные уровни под-

держки или оспаривания *подчиненными* (индивидами, организациями, сообществами или социальными слоями со сходными установками и политическим поведением) власти над ними *начальства* (вождя, монарха, правящей группы, центрального правительства)¹. Лояльность отличается от солидарности как понятия, относящегося не к вертикальным, а к горизонтальным отношениям.

Лояльность является характеристикой внутренних установок и внешнего поведения подчиненных акторов. *Поведение* каждого актора (высказывания, публичные речи, объявленные решения, социальные и материальные действия), с одной стороны, управляется ранее обретенными *установками* [19]. С другой стороны, вовлеченность актора в политическое взаимодействие, особенно связанного с конфликтами, насилием или угрозами насилия, нередко существенно меняет его *установки*, а значит, и последующее *поведение*.

Различим внутренние составляющие (компоненты) лояльности и внешние признаки, по которым можно судить об уровнях лояльности на основе доступных исторических или социологических данных. Следующие три компонента представляются важнейшими:

- признание подчиненными *легитимности* (традиционной, религиозной, правовой, идеологической или иной оправданности) власти начальства;
- включение своих интересов и забот в общую *направленность на укрепление охватывающей целостности* (например, государства, империи) и соответствующее *укрепление власти начальства*, т.е. на сохранение или увеличение его административных, материальных, силовых и символических ресурсов, в том числе своевременное информирование начальства о существующих или возможных вызовах и угрозах²;
- *ответственное отношение* к получаемым приказам, проводимым политическим стратегиям со стороны начальства, что проявляется в выполнении приказов, в следовании стратегиям в меру сил, в компетенции полномочий и доступности ресурсов, в *предоставлении достоверной информации* начальству о состоянии дел во вверенном участке, а также о трудностях, успехах и неудачах выполнения приказов и осуществления стратегий.

Эти компоненты определены здесь по высокому уровню лояльности. Понятно, что для крайне низкого уровня (нелояльности, враждебности подчиненных) речь должна идти о полном отрицании подчиненными легитимности власти начальства, об их направленности на подрыв власти, о саботировании приказов или о действиях подчиненных, вредящих проводимой начальством стратегии, об их отказе предоставлять сведения о состоянии дел или о намеренной дезинформации³.

Если легитимность, ресурсы, приказы, стратегии и обратная связь от подчиненных являются универсальными для любых властных отношений, то показатели лояльности существенно разнятся от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от одного локального контекста к другому. Далее нас будет интере-

¹ Пара «подчиненные/начальство» здесь используется вместо гегелевских «раба» и «господина» с прозрачным смещением смысла, но с тем же уровнем абстрактности.

² Здесь речь идет об «игре с положительной суммой», или «win-win»: жизненный и карьерный успех подчиненного состоит в его вкладе в политические стратегии начальства.

³ Здесь уже речь идет об «игре с нулевой суммой»: подчиненный видит свой выигрыш в той мере, в какой навредил стратегиям начальства, а в их успехе видит свой проигрыш.

совать динамика лояльности местных (этнических, национальных¹, региональных) элит по отношению к центральной власти государства.

Показателями относительно высокого уровня лояльности элит по отношению к центральной власти являются:

- борьба против ее внутренних и внешних врагов;
- явная поддержка официальной идеологии (религии) и системы ценностей, символов в устной и письменной речи (переписке, дневниках и т.п.);
- выполнение принятых административных, правовых норм и неформальных правил взаимодействия;
- добровольное и систематическое участие в надлежащих ритуалах.

Показателями относительно низкого уровня лояльности по отношению к центральной власти являются:

- участие в мятежах, протестных движениях;
- переход на сторону оппозиции или внешних противников режима;
- частое нарушение принятых административных, правовых норм и неформальных правил взаимодействия, в том числе применение нерегламентированного насилия;
- критическое отношение к официальной идеологии (религии) и системе ценностей, символам и ритуалам;
- чтение, обсуждение и распространение запрещенной литературы, а также участие в ритуалах, противоречащих официальной религии или идеологии.

Базовые факторы лояльности: исходная гипотеза

С учетом известных социальных универсалий в неовеберианской политической социологии [20. Р. 22–28] положим в основу рассуждений принцип универсальных базовых стремлений (забот) акторов, к числу которых относятся:

- социальный статус (занятие формальной позиции, должности, членство в организации или сословии, участие в принятии решений);
- обеспечение безопасности жизни и свободы (своей и близких);
- благосостояние (материальные ресурсы, доходы, накопления, доступ к благам, приемлемый уровня потребления);
- символический престиж (честь, достоинство, признание окружающих, неформальная влияние, удостоверение в причастности к сакральным объектам данного общества – святыням, ценностям).

Как правило, сам социальный статус предполагает некий «пакет» остальных благ (формы обеспечения безопасности, уровень дохода, характер признания), однако связи здесь не всегда прямые, стабильные, однозначные, поэтому указанные аспекты в общем случае целесообразно различать.

Резонно предположить, что лояльность подчиненных к начальству тем выше, чем более они видят в нем инстанцию, или обеспечивающее сообщество, которое надежно предоставляет им социальный статус с соответствующими гарантиями безопасности, доступом к материальным ресурсам и символическим престижем.

¹ Этнические и региональные элиты обретают статус «национальных», если занимают властные, авторитетные позиции в некой «земле», «княжестве», «провинции», «автономии», «республике», с формальным (реальным или чисто декларативным) закреплением приоритетности, доминирования определенной этнической группы – «титутельной нации».

Взаимосвязь забот, институтов, габитусов и лояльности

Заботы выполняются благодаря и при активности обеспечивающих структур, в том числе социальных практик и институтов с правилами взаимодействия [21]. Начальство призвано обеспечивать заботы общего характера («государственные», или «национальные» интересы), хотя никогда не забывает и о собственных заботах, связанных с теми же универсалиями.

Подчиненные имеют собственные заботы, но всегда принимают участие в практиках и институтах, активность которых определяется стратегиями и приказами начальства.

Это участие означает институциональную вовлеченность, занятие определенной позиции в государственной или окологосударственной организационной структуре, что и означает принятие социального статуса с соответствующими благами (см. выше), а также полномочиями, обязанностями, ответственностью. Успешность такого вовлечения как для института, так и для удовлетворенности самого подчиненного прямо зависит от того, насколько его ранее обретенные и формируемые установки (и их комплексы – габитусы) соответствуют занимаемой позиции, связанными с ней правилами поведения и ожиданиями.

Резонно предполагать, что такое соответствие, иными словами, «гладкость» и успешность вовлеченности ведут к внешнему признанию, высокой субъективной самооценке, карьерному продвижению, а значит, и высокой лояльности начальству.

В других же случаях, когда внутренние установки, габитусы подчиненных, привычные альтернативные способы получения статуса, дохода и символического престижа вступают в противоречие с нормами и ритуалами, принятыми в формально-бюрократических институтах государственной службы или с занимаемыми там позициями, правила будут нарушаться, обязанности – манкироваться, последуют трения и конфликты, прежде всего, с начальством, что закономерно обуславливает низкую лояльность.

Согласно веберовскому представлению о государстве как об институте с монополией на легитимное физическое насилие на определенной территории, именно государство призвано обеспечивать безопасность граждан/подданных, а также защищать их законные имущественные права. Местные элиты обычно сами входят в государственные или квазигосударственные силовые, штатские (местное управление), а также духовные, образовательные, медицинские, творческие и прочие структуры. Причастность к государству, чувство принадлежности к чему-то могущественному, великому, признаваемому на мировой арене потенциально становится источником престижа для местных элит, но лишь в той мере, в какой они идентифицируют себя с этим государством.

Как и остальные граждане/подданные, элиты заботятся о своих доходах, но для них уровень материального благосостояния служит особенно значимым маркером престижа (достоинства, чести, самоуважения в сравнении с окружающими). Местные элиты, вынужденные подтверждать свой статус и престиж в каждодневных взаимодействиях с окружающими, ревниво отслеживают этот аспект. Соответственно, уровень их лояльности к начальству (властному центру, государству) сильно зависит от предоставляемых госу-

дарством ресурсов (жалования, привилегий). Возможности самим получать доход (взимать подати, эксплуатировать подневольный труд, вести коммерцию, получать ссуды на льготных условиях и проч.) более сложным образом обуславливают уровень лояльности.

Рассмотрим основные институциональные контексты, в рамках которых элиты удовлетворяют свои базовые заботы.

Государственная служба и символические статусы

Структурами, обеспечивающими социальный статус, символический престиж элит и приемлемый для них уровень доходов, являются государственная служба, прежде всего, на высокостатусных позициях. Статус, приобретаемый на государственной службе в условиях относительно высокой монополии на применение насилия, имеет символический характер (чины и награды, предусматривающие определенную долю общественного уважения), пользуется бесспорным признанием в пределах государственной юрисдикции, часто – шире. Кроме того, успешная социализация в бюрократических структурах государственной службы предполагает формирование таких качеств, как дисциплинированность, исполнительность, подчинение вышестоящим должностным лицам и инстанциям, контроль собственных эмоций (габитус государственного служащего). Это освобождает обладателей статуса от необходимости постоянного его подтверждения, в том числе агрессивно-насильственными действиями, соответственно, они находятся в большей безопасности. Широкое распространение и безусловное признание формальных статусов обеспечивает не только гарантию прав и привилегий их обладателям, но и передачу благ по наследству.

Ярким примером национальных элит, ориентированных на государственную службу, являются остзейские немцы. В условиях слабости государственных институтов как структур, обеспечивающих благосостояние и приемлемый уровень потребления, доступной альтернативой для прибалтийского дворянства стало поступление на государственную службу за пределами своего отечества. На русской службе остзейцы нередко занимали высокие посты и пользовались доверием со стороны верховной власти Романовых. Условиями успешности такой стратегии были документально подтвержденный и не вызывающий сомнений формальный статус, а также особый остзейский габитус: дисциплинированность, аккуратность, исполнительность и, конечно, лояльность [22].

Патрон-клиентские сети и эгалитарные сообщества: статус, требующий постоянного подтверждения

Если престижные позиции на государственной службе не доступны, прежде всего, нижним стратам/претендентам в элиту, институты государственной службы слабы и немногочисленны, то представители элит предпочитают социализацию в рамках обеспечивающих сообществ других типов, в частности встраиваясь в патрон-клиентские сети взаимодействия (либо создавая такие сети – в качестве их глав). Ярким примером патрон-клиентских сетей как структур, обеспечивающих благосостояние, власть и престиж элит разных уровней, являются польско-литовские магнатства. Безземельная (чиншевая) шляхта обеспечивала своим патронам – крупным

землевладельцам¹ – символический престиж, а также власть и влияние. Шляхтичи оказывали поддержку «своему» магнату в сеймах и сеймиках – органах управления Речи Посполитой, а также составляли основу его частной армии. Магнат, в свою очередь, предоставлял безземельной шляхте право аренды земли за чисто символическую плату. В условиях слабости королевской власти и немногочисленности королевской армии и двора такая служба магнату стала для беднейшей шляхты основным институтом социализации, способом поддержания благосостояния и социального престижа.

Если служебная карьера по каким-либо причинам недоступна, представители элит низшего уровня, особенно обладающие навыками и средствами применения насилия, предпочитают эгалитарные военизированные сообщества, примером которых выступают донское и запорожское казачество в XVII в. Вольные казаки извлекали доход путем угрозы применения насилия, навязывания своей защиты через принуждение. Если структуры такого рода по каким-либо причинам уже не обеспечивали желаемый уровень благосостояния, то их участники вступали в своеобразный «торг» с государством за жалование, в том числе в форме казачьих бунтов, восстаний² [23].

Статус в патрон-клиентских сетях и эгалитарных сообществах не имеет формального (символического) характера, он не является бесспорным, универсальным. Статус присваивается отдельными индивидами и/или их ближайшим социальным окружением и является релевантным лишь в рамках данного окружения и в той мере, в какой оно готово признавать статус индивида, т.е. демонстрировать почет, оказывать знаки уважения, принимать как равного либо уступить. Члены патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ вынуждены постоянно подтверждать и доказывать то, что они достойны искомого статуса, в том числе агрессивным поведением, подвергая и свою, и чужую жизнь риску.

Участие в эгалитарных сообществах как обеспечивающих структурах сопряжено с существенными издержками для их верхушки, поскольку распространенные там нормы и практики препятствуют накоплению и передаче по наследству богатства, а также престижному потреблению, которое так важно для элит. Известно пренебрежительное отношение казаков к богатству, например, они хоронили своих погибших товарищей завернутыми в дорогие персидские ковры [24. С. 110]. Процедуры заключения брака и его расторжения в сообществах такого рода также зачастую не были формализованы и носили весьма упрощенный характер, что ставило под вопрос легитимность подобного рода браков и, как следствие, правовой статус потомков, возможности наследования символического и материального капитала.

¹ Структурами, обеспечивающими благосостояние польско-литовских магнатов, были сети поставок зерна, производимого на периферии мировой системы (на черноземах Украины) и продаваемого в ее ядро (рынки Западной Европы), а также обусловленное вовлеченностью во внешнюю торговлю рационализированное хозяйство, основанное на жестокой эксплуатации крепостных.

² Например, Василий Ус в 1666 г. с отрядом в 700 казаков отправился с Дона на Москву с предложением принять себя и соратников на государеву службу, для убедительности призывая в свой отряд помещичьих крестьян и нападая на самих помещиков [26. С. 40–41].

Степан Разин вел переговоры с персидским шахом о приеме на службу. Ответом на отказ шаха стало уничтожение некоторых персидских поселений, а также морское сражение разинцев с персидским флотом. Одним из основных требований восставших запорожских казаков было расширение численности реестра – казачьего войска на службе (и жаловании) польской короны.

Полновластие коллективных органов управления серьезно ограничивает влияние старшины и сохранение властных позиций ее представителей. Верхушка подобного рода неформальных структур стремится преодолевать их издержки. Члены этого элитарного слоя пытаются сохранять и приумножать свое материальное благосостояние, административно-политическое влияние, конвертируя эти ресурсы в более-менее признаваемые за пределами неформальных военизированных сообществ символические статусы. Поэтому такие местные элиты, как запорожская или донская старшина, вступают в союз с царской администрацией, оказывая ей содействие в ликвидации самоуправления – в обмен на получение дворянства и чинов [25. С. 23].

Различные типы обеспечивающих сообществ и конфликт лояльностей

Относительно высокий уровень лояльности по отношению к центральной власти проявляют представители элит, базовые потребности которых удовлетворяются государственной службой на высокостатусных позициях в иерархических военно-бюрократических структурах. Предпочтение же патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ как институтов, обеспечивающих базовые потребности элит, обуславливает относительно низкую лояльность последних по отношению к центральной власти. В чем состоит механизм взаимосвязи между типом обеспечивающего сообщества и уровнем лояльности?

Во-первых, комплекс установок сознания и поведения (габитус), как правило, формируется с ориентацией на тот или иной тип обеспечивающего сообщества. Для успешной карьеры в рамках военно-бюрократических институтов государственной службы востребованы такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, исполнительность, контроль над эмоциями, что чуждо духу бунтарства. В патрон-клиентских сетях ценятся отношения безусловной преданности, верности главе клана или клиентелы, ради чего допустимо пренебрегать формальными нормами, принятыми в государстве. Поведенческие нормы и морально-ценностные качества членов эгалитарных сообществ – обостренное чувство собственного достоинства, подчеркнутая агрессивность (как средство демонстрации и защиты статуса), вольнолюбие – также малосовместимы с чиновничьими добродетелями послушания и почитания начальства.

Во-вторых, пренебрежительное отношение к официальным ценностям, символам, нормам и правилам взаимодействия со стороны участников патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ является определенной гарантией того, что они сохраняют верность этим неформальным сообществам и сетям взаимодействия, не поддадутся искушению поменять все это на более предсказуемую и стабильную карьеру на государственной службе.

Список источников

1. *Political Loyalty and Social Composition of a Military Elite: The Russian Officer Ponomareff D. Corps, 1861–1903.* Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1977. 75 p.
2. Андрющенко О.В. Организационная лояльность: к определению понятийных границ // *Личность, культура, общество.* 2010. Т. 12, № 3. С. 267–273.
3. Тульчинский Г.Л. *Российская политическая культура: особенности и перспективы.* СПб. : Алетейя, 2018, 294 с.

4. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций. М. : Мысль, 2014. 499 с.
5. Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic Concept in Political Science. New York : Praeger, 1975. 181 p.
6. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. 446 с.
7. Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. М. : Территория будущего, 2010. 560 с.
8. Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд.-во Ин-та Гайдара, 2013. 384 с.
9. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 248 с.
10. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I: С древнейших времен до Великой Смуты. М. : Территория будущего, 2010. 376 с.
11. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М. : РОСПЭН, 2007. 758 с.
12. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: исторический аспект // Этничность и власть в постсоветских государствах : материалы междунар. конф. 1993 г. М. : Наука, 1994. С. 9–34.
13. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М. : ИЭА РАН, 2000. 395 с.
14. Garcelon M. Revolutionary Passage. From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985–2000. Temple University Press, 2005. 312 p.
15. Каннелер А. Россия – многонациональная империя. М. : Традиция, 2000. 344 с.
16. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 663 с.
17. Simon G. Der Kommunismus und die nationale Frage: Die Sowjetunion als Vielvölkerimperium // Osteuropa. 2013. Vol. 63, № 5/6. S. 7–24.
18. Sunny G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford University Press. Stanford, California, 1993. 200 p.
19. Розов Н.С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. № 5 (8). С. 50–67.
20. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge University Press, 1986. 578 p.
21. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск : Манускрипт, 2022. 355 с.
22. Филиппов С.И. Условия лояльности «национальных» элит в имперский период Российской истории // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) : материалы V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М. : Рос. общество социологов, 2016. (DVD ROM). С. 5406–5414.
23. Филиппов С.И. Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.) // Вестник Омского государственного университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 111–117.
24. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1996. 512 с.
25. Мальцев Д. Как готовили «поход на индус» // Родина. 2011. № 7. С. 22–24.
26. Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М. : Просвещение, 1955. 186 с.

References

1. Ponomareff, D. (1977) *Political Loyalty and Social Composition of a Military Elite: The Russian Officer Ponomareff D. Corps, 1861–1903*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
2. Andryushchenko, O.V. (2010) Organizatsionnaya loy'al'nost': k opredeleniyu ponyatiynykh granits [Organizational loyalty: To the definition of conceptual boundaries]. *Lichnost', kul'tura, obshchestvo*. 12(3). pp. 267–273.
3. Tulchinskiy, G.L. (2018) *Rossiyskaya politicheskaya kul'tura: osobennosti i perspektivy* [Russian political culture: Features and Prospects]. St. Petersburg: Aletyya.
4. Almond, G. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratii pyati natsiy* [The Civil Culture: The Political Attitudes and Democracies of the Five Nations]. Translated from English. Moscow: Mysl'.

5. Rosenbaum, W.A. (1975) *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. New York: Praeger.
6. Gaman-Golutvina, O.V. (2006) *Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Political elites of Russia: Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN.
7. Derlugyan, G.M. (2010) *Adept Burd'e na Kavkaze* [Bourdieu's Adept in the Caucasus]. Moscow: Territoriya budushchego.
8. Derlugyan, G.M. (2013) *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How This World Works. Sketches on Macrosociological Topics]. Moscow: The Gaydar Institute.
9. Miller, A.I. (2006) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Nefedov, S.A. (2010) *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz* [Russian history. The Factor Analysis]. Vol. 1. Moscow: Territoriya budushchego.
11. Pisarkova, L.F. (2007) *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka. Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy* [The public administration of Russia from the late 17th to the late 18th century. The evolution of the bureaucratic system]. Moscow: ROSSPEN.
12. Tishkov, V.A. (1994) Natsional'nosti i natsionalizm v postsovetском prostranstve: istoricheskiy aspekt [Nationalities and nationalism in the post-Soviet space: a historical aspect]. In: *Etnichnost' i vlast' v postsovet'skikh gosudarstvakh* [Ethnicity and Power in Post-Soviet States]. Proc. of the Conference. Moscow: Nauka. pp. 9–34.
13. Cheshko, S.V. (2000) *Raspad SSSR: etnopoliticheskiy analiz* [The collapse of the USSR: an ethnopolitical analysis]. Moscow: IEA RAS.
14. Garcelon, M. (2005) *Revolutionary Passage. From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985–2000*. Temple University Press.
15. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia is a Multinational Empire]. Moscow: Traditsiya.
16. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti."* *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
17. Simon, G. (2013) Der Kommunismus und die nationale Frage: Die Sowjetunion als Vielvölkerimperium. *Osteuropa*. 63(5/6). pp. 7–24.
18. Sunny, G. (1993) *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, California: Stanford University Press.
19. Rozov, N.S. (2010) Ritualy, instituty i resursy: sotsial'nye osnovy transformatsii mentaliteta [Rituals, institutions and resources: Social foundations of mentality transformation]. *Tsennosti i smysly*. 5(8). pp. 50–67.
20. Mann, M. (1986) *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Cambridge University Press.
21. Rozov, N.S. (2022) *Proiskozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali kognitivnye i rechevye sposobnosti* [The origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to cognitive and linguistic abilities]. Novosibirsk: Manuscript.
22. Filippov, S.I. (2016) Usloviya loyali'nosti "natsional'nykh" elit v imperskiy period Rossiyskoy istorii [Conditions of loyalty of "national" elites in the imperial period of Russian history]. In: Mansurov, V.A. (ed.) *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]. Moscow: Russian Society of Sociologists. pp. 5406–5414.
23. Filippov, S.I. (2019) Usloviya otvetstvennosti voenno-grazhdanskoy administratsii Rossii (XVII – nachalo XX v.) [Conditions of responsibility of the military-civil administration of Russia (the 17th – early 20th century)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24(1). pp. 111–117.
24. Mininkov, N.A. (1996) *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
25. Maltsev, D. (2011) Kak gotovili "pokhod na indus" [How they prepared the "campaign against the Hindus"]. *Rodina*. 7. pp. 22–24.
26. Lebedev, V.I. (1955) *Krest'yanskaya vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina* [The peasant war under the leadership of Stepan Razin]. Moscow: Prosveshchenie.

Сведения об авторах:

Розов Н.С. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН) (Новосибирск Россия); профессор кафедры международных отношений и регионоведения

Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия).
E-mail: nrozov@gmail.com

Филиппов С.И. – кандидат философских наук, доцент кафедры романо-германской филологии, заместитель директора Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).
E-mail: filippow07@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rozov N.S. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, chief researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk Russian Federation); professor of the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

Filippov S.I. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Romance-Germanic Philology; deputy director of the Institute of Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: filippow07@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 11.12.2023;
approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*